Изданіе
Комитета
«Дней Русской Культуры»
въ Ревелѣ
Нарвская ул. 6-а.

НОВЬ

«А всетаки.... всетаки впереди — огни!»

Короленко.

ВТОРОЙ СБОРНИКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ И СТАТЕЙ МОЛОДЕЖИ КО „ДНЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ“.

ЭСТОНІЯ. ОКТЯБРЬ 1929 ГОДА. ЦѢНА 15 ЦЕНТОВЪ.

ЧЕХОВЪ.

При жизни Чехову выпала странная литературная судьба: онъ остался неузнаннымъ читателями.

Настойчиво и упорно его гримировали всѣ — критика, литературная молва и сценическіе подмостки.

Студентомъ Чехонте сотрудничая въ мелкихъ сатирическихъ листкахъ, онъ смѣялся потому, что былъ молодъ, жизнерадостенъ и душевно свѣтлъ. Онъ смѣялся, удивляясь необыкновенной въ своей своеобразности картинѣ россій-

Иванъ Петровичъ Павловъ
(р. 1849)
къ 80-лѣтію со времени рожденія.

скаго быта, развертывавшейся передъ нимъ.

И этотъ смѣхъ вызвалъ подозрѣніе въ легкомысліи писателя.

Чеховъ стремился уйти въ область чистаго художественнаго творчества. А у него искали тенденціи, совершенно серьезно допытывались: — «Есть ли у г. Чехова идеалы?» и гадали, къ какому политическому кораблю прицѣпитъ онъ свой челнокъ.

Постепенно юмористическое удивленіе смѣнялось у Чехова задумчивостью. Тонкія психологическія темы привлекали вниманіе писателя. Лирическое волненіе касалось его. Смѣхъ, веселый и властный, карающій и безпощадный, умолкалъ. И тогда вокругъ Чехова, получившаго, наконецъ, всероссійское признаніе, сложилась и выросла новая, сильная и несправедливая къ писателю легенда — о пессимизмѣ Чехова.

«Пѣвецъ хмурыхъ людей», тоски, отчаянія, чье творчество «парализуетъ волю», чей взглядъ на жизнь лишенъ бодрости и полонъ самоубійственнаго анализа — такія опредѣленія стали штампомъ, шаблономъ и повторялись даже теперь въ недавніе дни юбилея.

И при жизни писателя все, всѣ, хоромъ, вслухъ, въ критическихъ статьяхъ, въ докладахъ, въ личныхъ бесѣдахъ и даже постановкахъ Московскаго Художественнаго театра твердили о скорбности, печальности и унылости чеховскихъ произведеній.

Напрасно Чеховъ увѣрялъ, что, напримѣръ, «Вишневый садъ» — комедія, — его не слушали. И глядя на «Вишневый садъ», зрители никогда не смѣялись, а плакали. Такова сила, очевидно, художественнаго впечатлѣнія, рожденнаго въ читателѣ помимо воли автора.

Но здѣсь скрывается также читательская и критическая абберація, держащаяся въ широкихъ кругахъ нашихъ дней. Часть критики давно пересмотрѣла свои сужденія о Чеховѣ. И въ огнѣ новыхъ толкованій, серьезныхъ и всеобъемлющихъ, безъ остатка сгораютъ декоративныя одежды, накинутыя на Чехова въ 80-хъ и 90-хъ годахъ.

Самъ Чеховъ, по своему міросозерцанію, опредѣленный и послѣдовательный оптимистъ, сильный не метафизическими отвлеченностями, но близостью къ живой органической жизни.

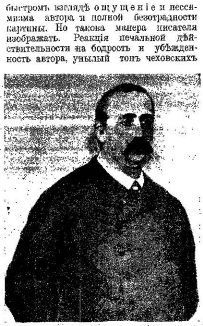
Его «святая святыхъ — это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались.» Его вѣра — только знаніе, безграничность и сила науки. Чеховъ былъ убѣжденъ, что «теперешняя культура — это начало работы во имя великаго будущаго, работы, которая будетъ продолжаться десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы хотя въ далекомъ будущемъ человѣчество познало истину, настоящаго Бога, т. е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре.»

И любимая фраза Чехова и его героевъ: — «Какъ хороша будетъ жизнь черезъ 300 лѣтъ!» — не риторика, не фантазія утописта, но крѣпкая вѣра и убѣжденность.

Фонъ чеховскаго творчества — уныло сѣрый. Это справедливо. Онъ рождаетъ при первомъ случайномъ или

Антонъ Павловичъ Чеховъ
(1860—1904)
къ 25-лѣтію со времени смерти.

быстромъ взглядѣ ощущеніе и пессимизма автора и полной безотрадности картины. Но такова манера писателя изображать. Реакція печальной дѣйствительности на бодрость и убѣжденность автора, унылый тонъ чеховскихъ



Александръ Порф. Бородинъ
(1834—1887)
къ 95-лѣтію со времени рожденія.

разсказовъ усиливается въ воспріятіи читателя той внѣшней осторожностью автора, той мягкостью контуровъ его разсказа, при которыхъ не можетъ быть ни авторскихъ заявленій, ни комментарія къ дѣйствію. И это условіе чеховскаго творчества мѣшаетъ читателю сразу уловить и принять настоящаго Чехова.

Чеховъ — бодръ. Онъ, какъ назвалъ его одинъ изъ критиковъ, врачъ — художникъ. Онъ широко и смѣло смотритъ кругомъ, отмѣчаетъ все отрицательное, видитъ больную жизнь, больныхъ людей и ставитъ діагнозъ.

Напрасно думаютъ, что Чеховъ дѣлаетъ безнадежные выводы. Вѣрно, что дѣйствительность далека отъ совершенства. Вѣрно, что недомысліе, душевная слабость и жесткость, обломовщина, хамелеонство, распущенность и безчеловѣчность — царятъ вездѣ. Но съ этимъ можно и нужно бороться. Это первое заданіе Чехова читателю.

И вглядываясь внимательно, съ лупой, въ книги Чехова, читатель видитъ въ нихъ драгоцѣнную розсыпь авторскаго уваженія къ человѣку и вѣры въ него.

Человѣческая душа — ласкова и свѣтла. Скверное въ человѣкѣ — не основное. Созданный по образу и подобію Божію, человѣкъ за тьмой вѣковъ только прикрылъ, но не затушилъ искры добра. Нужно только быть душевно чуткими, вѣрить людямъ, улыбаться и сочувствовать имъ, какъ монахъ Іеронимъ въ разсказѣ «Святой ночи», какъ люди невѣдомаго города изъ «Разсказа старшаго садовника» —: «Благотворное вліяніе имѣетъ на людей эта вѣра въ человѣка, вѣра, которая вѣдь не остается мертвой, она воспитываетъ въ насъ великодушныя чувства и всегда побуждаетъ любить и уважать каждаго человѣка. Каждаго! А это важно». Надо жить по-настоящему. А это значитъ надо быть душевно-активнымъ.

Чехова часто обвиняютъ, что онъ безпочвенно зоветъ куда-то, въ будущемъ только обѣщаетъ что-то.

Въ этомъ — думается — сказалась высшая мудрость писателя. Онъ не замкнулся въ партійныхъ программахъ сегодняшняго дня. Онъ требовалъ только вѣры въ науку и человѣчности отношеній. Это такъ мало, но это и такъ много, если не все.

Чеховъ въ своихъ книгахъ многократно показалъ, что эти искры сверкаютъ въ человѣческихъ душахъ. И на этой почвѣ, на множествѣ примѣровъ о слабой, но великой и прекрасной въ своей сущности человѣческой душѣ вырастаютъ у Чехова огромные плѣняющіе и окрыляющіе символы, звучащіе не какъ похоронныя пѣсни пессимизма, скуки и упадка, но какъ гимнъ жизни, человѣку и его силамъ.

Въ этихъ настроеніяхъ, въ этомъ свѣтломъ бодрящемъ взглядѣ — неумирающее значеніе Чехова.

Забудутъ его формальныя завоеванія въ русской литературѣ — побѣду новеллы, короткаго разсказа надъ длиннымъ романомъ.

Илья Ефимовичъ Рѣпинъ
(р. 1844)
къ 85-лѣтію со времени рожденія

Въ озареніи свѣтомъ прогресса, истиннаго и великаго, непонятной покажется насмѣшка Чехова и клейменіе имъ уродливостей россійскаго быта, съ его пока безсмертными хамелеонами, унтеръ-офицерами Пришибеевыми и прочими цвѣтами россійскаго существованія.

Но неумолкаемо будетъ звенѣть пѣсня человѣческой мечты и упованій о прекрасномъ грядущемъ времени, когда вся земля будетъ сплошнымъ цвѣтущимъ Вишневымъ садомъ.

Неумолкаемо будутъ разсказывать знакомыя намъ книги о безсмертной силѣ человѣческаго духа, о восстаніяхъ и пламени человѣческой души, о божественной сущности человѣческихъ исканій.

И невѣдомый намъ, новый читатель, раскрывъ книгу, какъ и мы, съ любовью, восхищеніемъ и съ душевной взволнованностью въ тайное святая-святыхъ своего сердца впишетъ тонкое имя — Чеховъ.

Николай Андреевъ.

Ревель — Эстонія.